

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**Пономарева Ольга Юрьевна**

студент Южного федерального университета, РФ, г. Ростов-на-Дону

Мещерякова Алла Викторовна

научный руководитель, доц. Южного федерального университета, РФ, г. Ростов-на-Дону

Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше.

Н.А. Бердяев

В современную эпоху трансформации общества и геополитических изменений особое значение приобретают человеческие ценности: добро и милосердие, истина и вера, ответственность и надежность, которые предполагают гармонию и равновесие внутреннего мира человека и являются фундаментальным основанием духовной культуры любого цивилизованного общества.

В последнее время мы все реже слышим словосочетание «общечеловеческие ценности», хотя это понятие представляется особенно важным для цивилизации. Такие общечеловеческие ценности как мирное небо над головой, свобода и безопасность жизни и здоровья сейчас приобрели особую актуальность и представляют собой фундаментальный духовный каркас, прочные моральные основы для всего человечества.

Взаимодействие людей всегда происходило как путем соглашений и договоренностей, так и посредством соперничества, конфликтов, войн, которые были детерминированы разными факторами. В различных культурах и социальных общностях по-разному определяли положение государств-врагов и враждебно настроенных социальных групп, а также наполняли понятие «врага» особым социально-политическим содержанием. Ситуация войны и боевых действий, особенно влекущая за собой применение оружия массового поражения и боевой техники в отношении мирного населения способна порождать «образ врага» целого народа. Формируется и закрепляется этот образ в сознании людей, далее трансформируясь в стереотипы, атрибуты, предубеждения и установки, о чем свидетельствуют работы современного исследователя данной проблемы А.Ю. Мельвиля [10].

Но сводить конфликты и войны лишь к неправильному восприятию окружающего мира или отдельного народа было бы неправомерным.

В течение многих лет феномен «образа врага» обсуждается в научных дискуссиях (особенно остро данная тема затрагивается в исследованиях отечественных ученых, посвященных Великой Отечественной Войне и послевоенному периоду). Не случайно, в последние годы этот

феномен привлекает внимание все более широкого круга исследователей.

Прежде всего, необходимо определить, что понимается под «образом врага», поскольку на этот счет мнения ученых неоднозначны. Понятие «образа врага» имеет междисциплинарный характер и отражен в социологических, психологических, политологических и др. работах. Например, С. Кин, автор книги «Лица врага. Размышления о психологии враждебности», сформировал целый комплекс «образов врага», основу которого составляют такие характерные черты врага, как внешний агрессор («варвар», «преступник», «враг бога», «насильник», «мучитель или палач»), несущий смерть, насилие, разрушения, страдания и мучения; «достойный противник», противостоящий наравне или обладающий превосходством [18]. Даже если мы сможем сосчитать все имеющиеся интерпретации понятия «образ врага», нужно сказать, что их главная функция — дать представление о том, что или кто является реальным источником применения насилия, опасного для жизни и здоровья, нарушающего, в первую очередь, базовые ценности людей. Главный признак, по которому определяется враг — это смертельная опасность, исходящая от него (врага). Этим «образ врага» и отличается от других сходных понятий — «чужого», «постороннего» или «маргинала» [6].

Не секрет, что в обществе сложилось мнение о войне как о политической игре, союзнице политиков и руководителей, победа в которой принесет лавры высшим чинам, а не народу. Как сказал, еще в 1904 году российский министр внутренних дел и шеф жандармов В.П. Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Этой фразой руководствовались многие для разрешения сложной ситуации, в которой маленький успех (победа) был наиболее логичным и мало затратным решением [15].

Необходимо обратить внимание еще и на то, что существуют проявления политического негативизма, как, например, миф о враге, то есть более буквальное понимание факта «кто не с нами, тот против нас». Это явление демонстрирует нам деформацию не только сознания политических деятелей, но и проблему общества в целом, которая выражается в развитии деформации правового сознания населения.

Несомненно, на формирование образа врага влияет культура, ее система обозначений культурного пространства, дифференциация внутреннего («Я») и внешнего («остальные»), которые представляются вполне самостоятельными реалиями. Известно, что «...всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)» [8]. Граница этих пространств является краеугольным камнем, принадлежащим одновременно к разным культурам. На границе диалога культурных миров и традиций пересекаются точки зрения и смыслообразования, в процессе диалога зарождаются новые смыслы и понятия бытия, мира, общества, человека, а в итоге формируются новые паттерны поведения, устраивающие все стороны, участвующие в диалоге [4]. Интерпретация этих понятий зависит от усвоения людьми культурных форм (паттернов). Вот почему в научных дискуссиях тема «образа врага» неразрывно связана с культурным обозначением данного понятия, построения парадигмы «свой-чужой», которая способствует формированию соответствующих программ поведения. Своя культура и традиции в современном мире создают уникальную систему отношений, но не следует забывать и о существовании других культур, т. к. только при взаимном понимании люди смогут построить крепкое, безопасное, надежное пространство для мирной жизни.

В зависимости от конкретных социальных, культурно-исторических ситуаций формируется, трансформируется, заполняется конкретным содержанием «образ врага», приобретая общие черты в разных культурных обществах. Внешний «враг» по отношению к общественной группе (этносу, народу) воспринимается, в первую очередь, как «чужой», «агрессор», несущий смерть, разрушения и угрозу цивилизации, и это все происходит независимо от той эпохи или той культуры, в которой формируются эти представления. Русский религиозный и политический философ Н.А. Бердяев писал: «У людей есть непреодолимая потребность в козле отпущения, во враге, который виновен во всех их несчастях, и которого можно и даже должно ненавидеть. <...> Когда найден козел отпущения, то человек чувствует себя лучше. Это есть объективация зла, выбрасывание его во внешнюю реальность» [3].

Усиление в сознании общества враждебности по отношению к «образу врага», приводит к

полной дегуманизации самого врага, как обладающего телесностью: лишению его человеческих черт и характеристик. Нетерпимость, фанатизм и жестокость, порождаемые враждебностью, основанные на страхе и агрессии, препятствуют взаимному пониманию и порождают деструктивные конфликты в обществе, которые, в свою очередь, способствуют возрастанию риска как физического, так и духовного, психологического уничтожения населения [2]. Не меньшее зло несет в себе и информационная война, воздействующая на сознание людей, в результате чего происходит подмена понятий, формирование и закрепление новых категорий, которые ранее не могли восприниматься как нормальные, адекватные и соответствующие общественным ценностям. Хотя, сильным упрощением было бы рассматривать формирование «образа врага» в общественном сознании лишь как результат пропаганды, идеологического манипулирования, психологической и информационной войны. Психологическая война и пропаганда, несоответствующие особенностям менталитета, будут приносить куда менее эффективные результаты, нежели те идеологические воздействия, которые опираются на определенные ожидания и запросы массового сознания и адекватны уже имеющимся представлениям, стереотипам, установкам понимания происходящего. Национальные особенности оказывали бы значительно меньшее негативное воздействие на эскалацию межнациональных конфликтов, если бы выявлялись, изучались, и корректировались факторы, влияющие на трансформацию общественного мнения и формирование аффективных характеристик этих социально-психологических феноменов.

Национальный стереотип можно определить, как своеобразный совет, к которому стоит прислушаться, а принимать его как руководство к действию или нет, это уже дело каждого. Однако стоит помнить о принципе «социального доказательства» [13], который заключается в анализе и сличении своего поведения с поведением окружающих. Мы ведем себя правильно (считаем так), т. е. в соответствии с нормами общества, в том случае, когда мы видим, что наше поведение подобно поведению большинства людей. Этот пример свидетельствует о значительном влиянии толпы на психику отдельного человека, в которой происходит формирование стереотипного поведения. Ведь мы не задумываемся, в какую руку брать нож или вилку, приступая к трапезе, все это доводится до автоматизма с самого детства, точно, как и развитие остальных стереотипов в нашем сознании.

Усилия ученых в современном мире направлены на выявление характерных черт, факторов, механизмов, способных гармонизировать и оптимизировать межнациональные отношения [5]. Л.Д. Гудков указывает на безнадёжный характер формирования новых категорий и парадигм в правосознании населения [12]. Поэтому значимость представлений о враге затрагивает всегда такие общественные феномены, как интересы и интерпретации «образа врага», правящей элиты в обществе и взглядов, объяснений, традиционных элементов культуры идентификации простого народа. Актуализация образа врага в общественном мнении представляется важной составной частью правовой культуры общества, но становится социальной проблемой там и тогда, когда появляется социальное напряжение вследствие непонимания того, что является детерминантой его появления [6]. В такой ситуации социального напряжения, тревоги, непонимания и неясности начинают активизироваться интегративные механизмы регуляции поведения, ставящие людей перед необходимостью более активно участвовать в коллективных процессах, проявлять свою близость, солидарность перед лицом коллективных опасностей. При наличии врага принципы цивилизма и гуманизма не работают или отходят на задний план, а враждебное поведение начинает преобладать во всевозможном многообразии форм проявления.

Согласно психоаналитическому учению З. Фрейда и его последователей — неофрейдистов, склонность к агрессии является врожденным инстинктом человека и дано ему от природы, несмотря на это, врожденные специфические детерминанты поведения являются барьером поступательного движения цивилизации, развитие которой идет по пути противоборства разнополярных инстинктов: размножение, сохранение вида и доминантность [14]. Авторы гипотезы фрустрации — агрессии Миллер Н., Доллард Д. и др. отмечают, что агрессия проявляется с целью освобождения от фрустрации и избавления от своеобразного блока, препятствующего достижению жизненно необходимой и желаемой цели. С Миллером Н. и Доллардом Д. солидарен Фешбек С., выделяющий три фактора влияния агрессии на поведение: 1) уменьшение агрессивного побуждения, 2) усиление агрессивных реакций, 3) изменение силы сдерживания. Попытки преодоления недостатков гипотезы агрессии-

фрустрации были предприняты в концепции А. Бандуры с позиции теории социального научения. Было выдвинуто предположение, что проявление агрессии возможно лишь при наличии у индивида диспозиции, возникающей в результате сознательного социального научения в процессе жизни человека [1].

Таким образом, формирование образа врага в общественном мнении тесно связано с основными характеристиками враждебности, которые были исследованы представителями психоанализа и слабо дифференцировались, обозначая «агрессивность», «гнев», «враждебность», «цинизм»; в когнитивном подходе дается определение понятию «враждебность», устанавливается взаимосвязь между поведенческими и эмоциональными проявлениями, выделяются корреляты враждебности относительно поведенческих и эмоциональных реакций [11; 9]; А. Buss рассматривал в психике враждебность как когнитивный компонент [17]; J.C. Barefoot исследовал враждебность как многомерное явление, включающее в себя внешние индикаторы, поведенческие и эмоциональные корреляты [16]; T.W. Smith рассматривает враждебность через негативные отношения, стереотипы, установки, убеждения [20]; в теориях личности враждебность определяется как психическое свойство, личностная черта, особенность характера [19].

Некоторые из таких характеристик враждебности, на наш взгляд, заслуживают особого внимания.

Во-первых, влияние *негативного оттенка враждебности* на сознание и формирование представления образа врага. У многих людей в сознании закреплены установки — новое, значит опасное, вследствие чего люди с такими установками выше оценивают вероятность неблагоприятных исходов и последствий. Все это приводит к возникновению дополнительных источников стресса [7; 9].

Во-вторых, *степень осознанности*. Согласно концепции В.Н. Мясищева, мотивы и детерминанты враждебности могут не осознаваться (так называемая «враждебная установка»), но сама враждебность должна осознаваться в обязательном порядке [11].

В-третьих, враждебность — это комплексное и многомерное образование. Структура враждебности состоит из *когнитивного* (убеждения, стереотипы, установки, атрибуции недоверия и агрессии, снижение самооценки); *эмоционального* (агрессия, негодование, ненависть, обида и т. п.) и *поведенческого* компонентов (открытое противоборство с применением оружия, нежелание сотрудничать, негативизм, социально-пассивное поведение) [16].

Становится очевидным, что «образ врага» участвует в процессе блокировки рассудочного (рационального) и ограничивает паттерны поведения, проявляя лишь враждебные поведенческие реакции, препятствуя осознанию общих интересов и разрешению конфликта.

К сожалению, во многих случаях, господствующие политические классы в обществе используют «образ врага» для решения своих задач: удовлетворение интересов и потребностей, достижение уровня своих притязаний; используя информационное «зомбирование», сохраняют и укрепляют свою власть; за счет разработки агитационных и пропагандистских мер воздействия на сознание людей, применяют наказание, как ответную меру воздействия на всех тех, чьи взгляды идут вразрез. Происходит искусственный перенос внимания на кризисы, катастрофы и катаклизмы, происходящие в мире, тем самым заставляя людей временно забыть о внутренних проблемах самого общества. Существует множество способов более основательного и глубокого воздействия на сознание людей, но среди них стоит выделить особенный — постоянное желание найти виновного, «козла отпущения», о котором говорил в свое время Н.А. Бердяев [3]. Ведь мало найдется людей, которые захотят искать причину в себе, известно, что проще найти соринку в чужом глазу, нежели бревно — в своем.

Хочется верить, что граждане нашей страны ставят во главу угла приоритет ценности человеческой жизни, моральные и духовные устои общества, добро и милосердие, истину и веру, ответственность и надежность, патриотизм и самообладание, развиваясь духовно и интеллектуально, отказываясь от лени и скоротечных выводов, подвергая сомнению

информацию, которая способна затуманить сознание.

Список литературы:

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 49—62.
2. Бердяев Н.А. Мысли о природе войны — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1915_626.html (дата обращения 12.01.2015 г.).
3. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1944_041_4.html (дата обращения 12.01.2015 г.).
4. Волков В.Н. Насилие и толерантность как принципы бытия в современном мире // Образование и общество. — 2005. — № 1. — С. 56—63.
5. Гасанов И. Национальные стереотипы и «образ врага» // Чернявская Ю. Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. — Минск: Харвест, 1998. — 560 с.
6. Гудков Л.Д. К проблеме негативной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2000. — № 5 (49). — С. 35—44.
7. Ениколопов С.Н., Садовская А.В. Враждебность и проблема здоровья человека // Журн. неврол. и психиатр. Им. Корсакова. — 2000. — № 7. — С. 59—64.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. — Санкт-Петербург: Искусство — СПб, 2000. — 704 с.
9. Кузнецова С.В. Психологические особенности враждебности при психической патологии: шизофрении, шизоаффективном и аффективном расстройствах: Автореф. дис... канд. психол. наук: 19.00.04. — Москва, 2007. — 22 с.
10. Мельвиль А.Ю. «Образ врага» и гуманизация международных отношений / А.Ю. Мельвиль // Век XX и мир. — 1987. — № 9. — С. 32—51.
11. Мясищев В.Н. Психология отношений: Под редакцией А.А. Бодалева / Вступительная статья А.А. Бодалева. — М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 356 с.
12. Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. — М.: ОГИ, О-23 2005. — 334 с, 16 л. ил.
13. Психология влияния [Текст] / Роберт Чалдини. — 4-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002. — 288 с.
14. Психология человеческой агрессивности: хрестоматия [Текст]/ К. Лоренц [и др.]; сост. К.В. Сельченко. — Минск: Харвест; — М.: АСТ, 2001. — 656 с.
15. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений В. Серова — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/12/5.htm> (дата обращения 05.02.2015 г.)
16. Barefoot J.C. Developments in the measurement of hostility // Hostility, coping and health / Friedman H.S. Washington: American Psychological Association, 1992. — P. 13—31.
17. Buss A.H. The psychology of aggression. N.Y.: Willey, 1961. — 307 p.
18. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination / Ed. by Sam Keen. San Francisco: Harper & Row, 1986. — 200 p.
19. Larkin K.T., Martin R.R., McClain C.E. Cynical Hostility and the Accuracy of Decoding Facial Expressions of Emotions // Journal of Behavioral Medicine. — 2002. — Vol. 25 (3). — P. 285—293.
20. Smith T.W. Hostility and health: Current status of a psychosomatic hypothesis // Health psychol. — 1992. — Vol. 11. — P. 139—150.